

МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМ И РЕГИОНАЛЬНЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ: политические партии и движения в Москве, 1987-2002 гг.

Хлесткая фраза о том, что российские политические партии живут в заповеднике, ограниченном пределами Московской кольцевой дороги, давно уже стала притчей во языцех. К сожалению, для таких утверждений есть все основания. В Москве действительно родилась основная масса партий, претендующих на статус общероссийских, причем подавляющее большинство из них прекратило существование, так и не сумев выйти за границы МКАД.

Даже будучи созданными не в Москве, а, допустим, в Санкт-Петербурге, общенациональные партии рано или поздно оказывались перед дилеммой: либо переносить штаб-квартиру в столицу, либо мириться с угрозой двоецентриа, а в перспективе – раскола. Последнее, в частности, случилось с Российской коммунистической рабочей партией. Ее центральные органы с самого начала, с осени 1991 г., базировались в Санкт-Петербурге. Очень скоро, однако, в Москве сформировался параллельный центр, возглавляемый первым секретарем столичного горкома РКРП, лидером движения «Трудовая Россия» В.Анпиловым. Постоянно находясь в фокусе внимания общенациональных СМИ, этот центр, по сути, противопоставил себя федеральному руководству партии во главе с В.Тюлькиным. В конце концов дело закончилось расколом и исключением В.Анпилова из РКРП (1996 г.). Последний, уходя из партии, увел с собой значительное число сторонников.

Однако на этом злосключения Московской организации РКРП не закончились. К началу 1997 г. в руководстве МО вновь возникло противостояние – теперь уже между сторонниками Оргбюро ЦК РКРП (А.Сергеев, Ю.Лебедев и др.) и так называемой «антипартийной фракцией» (Б.Гунько, П.Былевский, В.Андреев и др.), выступавшей за радикализацию партийной тактики. И вновь разногласия вылились в раскол, сопровождавшийся исключением из партии радикалов. В итоге на смену еженедельному митингу-«цепочке», который активисты РКРП начиная с осени 1991 г. проводили у бывшего Музея Ленина, пришли сразу три аналогичных мероприятия: на первом собирались анпиловцы, на втором – «антипартийная фракция» (под флагом движения «Трудовая столица»), на третьем – сторонники официального руководства МК РКРП. Причем каждая последующая (по времени возникновения) «цепочка» была малолюднее предыдущей. Затем,

правда, конфликт между лидерами «Трудовой столицы» и МК был изжит, да и РКРП, объединившись с Российской партией коммунистов (А.Крючков), сменила название на РКРП-РПК. Но ликвидировать последствия предыдущего раскола – с В.Анпиловым – так и не удалось.

Разумеется, в основе данного раскола лежали разногласия идейного и социально-психологического характера: экзальтированные сторонники В.Анпилова представляли собой публику, заметно более люмпенизированную, нежели проникнутые менталитетом мелких партийных чиновников сторонники В.Тюлькина – отсюда и размежевание по линии «радикалы-ортодоксы». Однако есть все основания полагать, что если бы штаб-квартира ЦК РКРП размещалась не в Санкт-Петербурге, а в Москве, то раскол можно было бы если и не погасить вовсе, то уж по крайней мере смягчить.

Для любой российской партии жизненно важно иметь крепкие позиции на столичной политической сцене. Сказанное в Москве имеет гораздо больше шансов достичь ушей репортеров общероссийских СМИ и приобрести благодаря этому общенациональное звучание, нежели произнесенное где угодно на периферии. Недаром именно в столице проводится подавляющее большинство съездов и других партийных мероприятий. Митинг или демонстрация, организованные в любом другом городе страны (пусть даже Петербурге), останутся событиями местного масштаба. Такая же акция, проведенная недалеко от Кремля, при попадании в объективы телекамер почти автоматически обретает всероссийскую аудиторию.

При этом первостепенность роли столичного региона в политической жизни страны отнюдь не означает, что любая мало-мальски крупная партия обязана иметь (и имеет) мощную московскую организацию. Иногда именно присутствие в столице центральных органов и лидеров федерального масштаба чревато для партий атрофией структур городского уровня. Так, московская организация «Яблока» изначально представляла собой аморфное образование, вечно раздираемое конфликтами и неспособное на осмысленные действия. После того как в сентябре 1997 г. федеральное руководство решило навести в столичном отделении порядок, оно вообще распустило Московское движение «Яблоко», создав на его месте абсолютно новую структуру – Региональную партию г. Москвы «Яблоко». Правда, если МДЯ было организацией хоть и рыхлой, но более-менее многолюдной (свыше

1 тыс. членов), то РПМЯ, при всей ее сплоченности и дисциплинированности, широтой рядов похвастаться как раз не могла – ее численность никогда не превышала сотни с небольшим человек. В конце концов после изгнания из «Яблока» В.Игру нова – инициатора роспуска МДЯ и фактического лидера РПМЯ – организацию возглавил сам Г.Явлинский. Этим он, однако, только подтвердил отсутствие в партии дееспособного столичного отделения. Организация, нуждающаяся в такой мощной подпорке, как общенациональный лидер, неспособна, в свою очередь, служить опорой кому бы то ни было.

Пример противоположного свойства – Коммунистическая партия РФ, всегда имела в столице крупную парторганизацию – от 10 до 22 тыс. членов, то есть больше, чем другие партии могли собрать под свои знамена в масштабах всей страны. Московские активисты КПРФ принимали и принимают деятельное участие в организации митингов, пикетов, манифестаций, распространяют листовки и партийную прессу, проводят в ходе предвыборных кампаний рейды «от двери к двери» и т.п. И при всем этом столичной организации КПРФ ни разу не удалось добиться избрания своих кандидатов в Московскую городскую думу, в то время как фактически бездействующее отделение «Яблока» делает это с завидным постоянством.

Короче говоря, партийная жизнь столицы имеет две стороны – общенациональную и региональную. Так же как кроме федерального чиновничества в Москве есть и своя местная бюрократия, сосредоточенная в структурах городской администрации, в столице существует две многопартийности: одна представлена федеральными лидерами и центральным аппаратом, другая – местными подразделениями. В отдельные исторические моменты между двумя этими ипостасями очень трудно провести четкую разделительную линию. Так было, в частности, на заре современной многопартийности. Однако подобные периоды длятся, как правило, недолго. В конце концов все встает на свои места, и разница между партийной жизнью общероссийского и регионального масштаба становится все более заметной. Столичная многопартийность из общенациональной превращается в провинциальную.

Этапы данной трансформации мы и попробуем проследить.

1. «Героический» этап столичной многопартийности (конец 1980-х-1993 г.)

Значение столицы для судеб российской многопартийности обусловлено не только тем, что в силу давних исторических традиций Москва является местом принятия основных государственных решений. Будь Москва административным центром, специально приспособленным для выполнения столичных функций – по образцу Вашингтона, ей вряд ли было бы суждено стать полем битвы, на котором разворачивались главные партийно-политические баталии последних полутора десятилетий.

Кроме всего прочего, Москва еще и ведущий интеллектуальный центр страны, сосредоточивший в своих недрах цвет отечественной интеллигенции. На начальном этапе развития российской многопартийности, носившем почти исключительно интеллигентский характер, это обстоятельство имело решающее значение.

Именно в Москве раньше, чем где-нибудь еще в стране – за исключением, пожалуй, Санкт-Петербурга и Прибалтики – дали знать о себе плоды перестройки в сфере общественной жизни. Именно здесь буйным цветом начали цвести первые «неформальные объединения» политического характера, причем самой разной окраски – от некоммунистических и анархистских до либеральных и национал-патриотических.

Начиная с 1987 г. там и сям появлялись многочисленные клубы, общества, ассоциации, активно участвовавшие в обсуждениях горячих политических тем. По своей сути это были типичные клубы единомышленников, представлявшие собой форму самоорганизации, наиболее естественную для интеллигенции.

Именно в Москве эти клубы раньше, чем где-нибудь еще, за исключением Прибалтики, проявили тягу к объединению в рамках т.н. «народных фронтов» (за образец был взят НФ Эстонии). Причем как раз в столице данная форма объединения множества мелких неформальных групп так и не сумела реализоваться в полной мере. И причиной тому послужило слишком быстрое развитие в Москве политической ситуации и общественной инициативы.

Едва в июне 1988 г. был основан оргкомитет Московского народного фронта, как внутри него разгорелась борьба между социалистическим «большинством» («Социалистическая инициатива», Федерация социального объединения, Группа социологов-марксистов, «Дипломатия граждан», «Народное действие», «Юные коммунары-интернационалисты», Бригада имени Че Гевары, «Альтернатива», «Лингва», Межклубная партийная группа) и «меньшинством», в котором к открыто несоциалистическим «Гражданскому достоинству» и «Перестройке-88» примыкали группы, либо принципиально не определявшие своего отношения к социализму («Мемориал» и Клуб социальных инициатив), либо придерживавшиеся социалистической ориентации, но выступавшие за соблюдение консенсуса («Община», «Альянс», Московская группа Всесоюзного социально-политического клуба)¹. После того, как лидеры социалистического «большинства» волевым порядком присвоили себе представительские функции, их оппоненты объявили о выходе из оргкомитета НФ.

Народный фронт продолжал развиваться, а его члены приняли активное участие в выборах народных депутатов СССР (конец 1988 – начало 1989 г.), обеспечив победу ряду известных в будущем политических деятелей (С.Станкевич, Ю.Рыжов, Ю.Власов и др.). Однако к моменту учредительной конференции Московского народного фронта (май 1989 г.) он уже не был безусловным лидером политических неформалов. Реальную конкуренцию ему составили клубы избирателей, позже, летом-осенью 1989 г., образовавшие Московское объединение избирателей (одним из учредителей МОИ был, кстати, и Координационный совет МНФ). К тому же в рамках самого Московского народного фронта сформировалась «Демократическая фракция», выступавшая против упоминаний о «социализме» как программной цели МНФ. Осенью 1989 г. значительная часть участников МНФ перенесла свою деятельность в новые организации, в первую очередь в МОИ. Московский народный фронт вступил в стадию упадка, его руководящие органы перестали собираться, а сам он после выборов 1990 г. фактически прекратил существование.

¹ Прибыловский В.
Словарь новых политических
партий и организаций
России.
Третий вариант,
исправленный и до-
полненный. Информационно-
экспертная группа
«Панорама». М., ноябрь
1991.

В то время как в регионах народные фронты составили костяк отделений «Демократической России», МНФ, слишком рано созданный и потому безнадежно отставший от основного русла политической жизни, оказался не готов к данной роли – для этого воззрения его основателей носили слишком левый характер. Место столичного Народного фронта заняло Московское объединение избирателей, на плечи которого зимой 1990 г. легла основная тяжесть работы по поддержке кандидатов-демократов в ходе кампании по выборам народных депутатов РСФСР и в местные органы власти. В январе 1990 г. МОИ выступило инициатором созыва конференции кандидатов 12 регионов, на которой было объявлено о создании блока «Демократическая Россия». Московское объединение избирателей, фактически, явилось организатором избирательной кампании кандидатов-демократов, проводя в их поддержку митинги и демонстрации, распространяя агитматериалы и т.п. В итоге подавляющее большинство «подопечных» МОИ одержало победу. После выборов Московское объединение избирателей переключилась на работу по учреждению структур движения «Демократическая Россия» – в них МОИ в дальнейшем и растворилась.

Столичная организация «ДемРоссии» явилась ярким образцом объединения, в чьей деятельности было очень трудно отделить общенациональный аспект от регионального. Основным направлением работы московской «ДемРоссии» являлось проведение уличных акций, на которые нередко собиралось до нескольких сотен тысяч человек. В наиболее острые моменты противостояния между союзным центром и российскими властями (так же как и между сторонниками КПСС и демократами на Съезде народных депутатов РСФСР) организация подобных акций являлась фактором, существенно влиявшим на расстановку сил.

Обгоня остальную страну в темпах политического развития, Москва не могла не быть впереди нее и в тех процессах, которые заслуживали скорее негативной, нежели позитивной оценки. В столице рано началась консолидация неформальных объединений, но в здешнем демдвижении раньше чем где бы то ни было стали прослеживаться и тенденции к размежеванию и расколу. Как организационная структура «Демократическая Россия» состояла исключительно из коллективных членов. Ее учредителями являлись партии и движения, по отдельности пользовавшиеся значительно меньшим влиянием, чем «ДемРоссия» в целом. На практике же большинство людей, причислявших себя к ДР, не состояли ни в одном из ее коллективных членов. Объединение различных организаций в одну структуру сопровождалось трениями и конфликтами. Некоторые из этих организаций – например, Демократическая партия России, Российское христианское демократическое движение, Конституционно-демократическая партия – Партия народной свободы – поначалу не собирались вступать в «ДемРоссию» и сделали это только под давлением собственных региональных

отделений. Внутри ДР они составили отдельную группу, в апреле 1991 г. конституировавшуюся под именем «Конструктивно-демократический блок “Народное согласие”».

На московском уровне представители этих партий довольно быстро вошли в конфликт с руководством столичной «ДемРоссии». Основным пунктом разногласий послужило отношение к политике мэра Г.Попова, избранного на свой пост не в последнюю очередь благодаря поддержке со стороны официального руководства московских «демороссов». Летом 1991 г. столичные организации ДПР, РХДД и КДП-ПНС вместе с городскими отделениями Социал-демократической партии Российской Федерации и Республиканской партии РФ (социально-либеральная фракция) образовали Межпартийный форум «Демократическая Москва», а уже после августовских событий – Коалицию демократических сил Москвы (вместе с Московской ассоциацией «Демократическая Россия», объединившей представителей районных отделений, также перешедших в оппозицию руководству МГО). Их противники (в основном выходцы из МОИ, а также городские отделения Партии конституционных демократов, Партии свободного труда, Свободно-демократической партии России, Антифашистского центра и фракции «Действие» в РПРФ) объединились в рамках Союза «Демократическая Россия» и держали под своим контролем руководящий орган МГО ДР – Координационный совет.

Раскол в столичном демдвижении не мог не захватить и Моссовет. Несмотря на то, что Московскому объединению избирателей удалось обеспечить там прочное демократическое большинство, «торжество демократии» длилось недолго. Ряд поддержанных МОИ депутатов перешел на сторону горкома КПСС, остальные, хотя и обеспечили своим представителям абсолютное преобладание в руководстве Моссовета, довольно быстро от консолидированных действий перешли к непрекращающейся войне всех против всех. Это сказалось и на фракционном составе Совета. К августу 1991 г. фракция «ДемРоссия» в Московском совете народных депутатов насчитывала всего 60 человек (из 500 депутатов), еще по 16 состояло во фракциях РПРФ, «Коммунисты за демократию» (начиная с осени 1991 г. – фракция Народной партии «Свободная Россия») и «Фракции труда», 10 членов насчитывала «Либеральная фракция» и 6 – фракция «Возрождение». В стенах МСНД действовали также устойчивые группы членов ДПР, РХДД, Народной партии России, Партии зеленых, Христианско-демократического союза. Были в Моссовете и представители ортодоксального течения в КПСС – например, активист Движения коммунистической инициативы, будущий лидер «Трудовой России» В.Анпилов.

Если противостояние КПСС еще как-то спланировалось в Моссовете демократическое большинство, то август 1991 г. окончательно смел все преграды на пути процессов размежевания, разложения и деградации. В последние два года своего существования депутатский корпус

МСНД, так и не сумев наладить конструктивную законотворческую работу, одновременно добился удивительного единодушия во всем, что касалось противодействия либеральным реформам.

Явившись важнейшей вехой в истории современной России, август 1991 г., тем не менее, не поставил точку в «героическом» этапе развития столичной многопартийности. Просто поменялись «герои». Если раньше это были демократы, то теперь им на смену пришли коммунисты и «патриоты». Москва стала главным центром «возрождения» коммунистического движения – сначала его радикального, «революционного», крыла (Российская коммунистическая рабочая партия, Российская партия коммунистов, Союз коммунистов и пр.), а затем и умеренного (Коммунистическая партия Российской Федерации).

В принципе, после августа 1991 г. российская многопартийность утратила сугубо интеллигентский характер. На политическую сцену вышли партии, возникшие на обломках КПСС. Их социальную базу составила люмпеноидная партбюрократия, в одночасье потерявшая прежний статус и не сумевшая найти место в новой жизни. Однако доминирующей фигурой в столичной партийно-политической жизни еще какое-то время оставалась люмпенизированная интеллигенция – именно ее представители образовали основной костяк радикально-коммунистических и национал-государственнических партий и движений, ставших главными героями московских улиц в период с осени 1991 г. по осень 1993 г.

Уже осенью 1991 г. радикальные коммунисты начали проводить возле Музея Ленина еженедельные митинги-«цепочки». Главную роль в их организации играли сторонники РКРП, группировавшиеся вокруг В.Анпилова и позже принявшие участие в создании движения «Трудовая Россия». Начиная с января 1992 г. радикал-коммунисты перешли к проведению массовых демонстраций. Одна из таких, приуроченная к Дню Советской Армии (23 февраля), вылилась в ожесточенное столкновение с милицией. В июне 1992 г. «трудороссы» организовали возле телецентра в Останкино постоянный пикет («осаду Центрального телевидения») с требованием предоставить слово «народу» (то есть им, коммунистам) и ликвидировать «Империю лжи» (то есть отстранить демократов от руководства центральным ТВ).

Осенью 1992 г. на базе «объединенной оппозиции» на Съезде народных депутатов РФ и внепарламентских организаций коммунистов, социал-патриотов и национал-патриотов был образован Фронт национального спасения. Отныне и до осени 1993 г. наиболее крупные манифестации и митинги в столице проводились под флагом ФНС. Несмотря на то, что во главе Фронта поначалу стояли представители национал-патриотической и государственнической общественности (московскую организацию ФНС, например, поначалу возглавлял член Русской партии национального возрождения Д.Меркулов, позже, в сентябре 1993 г., уступивший место представителю левых – председателю Союза офицеров С.Терехову), основную массу участников организуемых

под его знаменами мероприятий составляли коммунисты – при том, что наиболее крупные и наиболее активные радикально-коммунистические организации (РКРП, «Трудовая Россия») в состав данной коалиции даже не входили.

В противостоянии между президентом и парламентом, с декабря 1992 г. принявшим открытую форму, «непримиримая оппозиция» безоговорочно взяла сторону Верховного Совета. Ее уличная активность становилась все более интенсивной – призывы к свержению «банды Ельцина» из сферы голых лозунгов переходили в область активных действий. Попытки исполнительной власти мобилизовать в свою поддержку демократическую общественность, напротив, особых успехов не имели.

Начиная с осени 1991 г. «Демократическая Россия» переживала перманентный кризис, ее преследовал один раскол за другим. Сначала, в ноябре 1991 г., движение покинули «демогосударственники» (ДПР, РХДД, КДП-ПНС), в январе 1992 г. – радикалы во главе с Ю.Афанасьевым. Однако самым страшным было другое – из ДР уходили рядовые члены, причем уходили не в другие организации, а в никуда, то есть просто теряли интерес к политической деятельности. На организуемые «ДемРоссией» митинги и демонстрации собиралось все меньше народу. Поначалу, в феврале и июне 1992 г., демократам еще удавалось выводить на улицу десятки тысяч человек, встревоженных усиливающейся активностью коммуно-патриотической оппозиции. Но уже к марту 1993 г., к моменту VIII и IX Съездов народных депутатов, когда исполнительная власть более всего нуждалась в общественной поддержке, количество митингующих, мобилизованных «демороссами», исчислялось лишь несколькими тысячами человек, заметно уступая в численности противостоящей стороне. Оказалось, что лидеры МГО «ДемРоссии», в былые время пользовавшиеся репутацией прекрасных организаторов, таковыми могли считаться только когда было кого организовывать. Стоило массовому демократическому порыву схлынуть, выяснилось, что они мало чем превосходят своих прежних оппонентов из обкомовских коридоров.

После апрельского референдума 1993 г. уличная активность демократов совсем сошла на нет, в последний раз оживившись только в ночь с 3 на 4 октября – когда Е.Гайдар призвал всех, кому дорога свобода, прийти на Тверскую улицу и защитить идеалы демократии перед лицом перешедших в наступление сторонников Верховного Совета. Отказ демократической общественности от митинговой активности во многом был обусловлен и итогами референдума. В Москве доверие Б.Ельцину выразили 75,24% голосовавших (в среднем по России – 58,67%), доверие его экономической политике – 70,03% (53,04% по РФ), против досрочных выборов президента высказались 64,07% (47,14%), за переизбрание народных депутатов – 80,33% (67,17%)*. Голословность утверждений о том, что народ спит и видит, как бы смести ненавистную исполнительную власть, стала очевидной. Демократов

* Расчет от числа принявших участие в голосовании. Последние два вопроса, как затрагивающие сферу действия Конституции, требовали проведения расчетов, исходя из общего количества избирателей.

это, видимо, окончательно успокоило, непримиримую оппозицию почему-то, напротив, подхлестнуло.

Уличная активность коммунистов и их союзников только возросла. Уже первая после референдума акция – первомайская – вылилась в настоящее побоище (свою лепту, правда, внесли и власти, сократившие маршрут демонстрации до смехотворного минимума). Кульминацией же уличной активности непримиримой оппозиции явилась последняя декада сентября – начало октября 1993 г., то есть промежуток между обнародованием президентского указа № 1400 и падением Дома Советов. Демонстрации и митинги сторонников Верховного Совета шли по нарастающей, столкновения с милицией напоминали бои локального масштаба и 3 октября вылились в вооруженное восстание. Это, правда, перевело противостояние в совершенно иную плоскость – в поле, на котором защитники Дома Советов не имели никаких шансов на победу. Им пришлось иметь дело уже не с милицией, а с войсками и боевой техникой. Ослепленные ненавистью к «антинародной власти», представители оппозиции не могли поверить, что большинство населения страны, и особенно москвичей, не на их стороне и что общественное мнение скорее поддержит власть, нежели тех, кто воюет против нее с оружием в руках.

Расстрел «Белого дома» положил конец «героическому» этапу в истории столичной многопартийности. Деятельность организаций, составивших костяк защитников Дома Советов, – а это прежде всего радикально-коммунистические и национал-патриотические партии и движения («Трудовая Россия», РКРП, «Русское национальное единство» и пр.) – была временно приостановлена. Когда же через несколько месяцев они наконец вышли из подполья, выяснилось, что и страна, и столица изменились и им больше не нужны герои – им нужны мирные обыватели. Интеллигентский этап в развитии многопартийности подошел к концу не только в целом по стране, но и в столице. На смену интеллигенту как главному фигуранту партийно-политической жизни пришел функционер, чиновник.

Однако в Москве бюрократия была вынуждена еще какое-то время соседствовать с либеральной интеллигенцией. Это «мирное сосуществование» и составило основное содержание следующего этапа в развитии столичной многопартийности.

**2. Столичная
власть и столичная
многопартийность:
фаза равновесия
(1994-1998 гг.)**

Завершение революционного, «героического», этапа в развитии столичной многопартийности сопровождалось существенным изменением места уличной активности в партийной жизни. Публичные акции – демонстрации, митинги, пикеты и пр. – утратили приоритетное значение. Их, разумеется, продолжали проводить. Коммунисты и их союзники делали это регулярно – как по торжественным датам (23 февраля, 8 марта, 1 мая, 31 октября, 7 ноября), так и «внеурочно». Однако эти мероприятия рассматривались уже не столько как средство давления на власть, сколько как повод напомнить о себе обществу.

Что же касается демократов, то они все реже выходили на улицу, а их акции собирали все меньшее число участников – в лучшем случае до нескольких сотен человек. В более поздний период, начиная с 1999 г., либералы стали совмещать свои публичные мероприятия с концертами популярных исполнителей, расширяя тем самым аудиторию до 10 тысяч и более человек. Однако в данном случае факт превращения публичных акций из средства давления в шоу становился еще более очевидным.

Приоритетное значение после 1993 г. стало придаваться участию в выборах. Все остальные направления партийной работы обретали смысл лишь постольку, поскольку способствовали выполнению этой задачи. Конечно же, на политической сцене оставались силы, которые отказывались видеть в выборах главную сферу приложения усилий – как правило, в силу неприятия «буржуазного парламентаризма» (радикальные коммунисты, леворадикалы) либо отдавая дань традиционной риторике (КПРФ). Однако на деле от участия в избирательных кампаниях не отказывался никто, поскольку лучшего повода напомнить о себе найти было трудно.

Первые федеральные выборы, ознаменовавшие начало новой политической эпохи, подтвердили репутацию Москвы как оплота демократов. 12 декабря 1993 г. при голосовании по партийным спискам объединения демократической ориентации получили на выборах в Госдуму значительно больше голосов, чем в целом по России: «Выбор России» – 34,7% (против 15,5% по РФ), «Яблоко» – 12,1% (против 7,9% по РФ). Фаворит общероссийских выборов ЛДПР набрала в столице чуть ли не вдвое меньше голосов, чем в среднем по стране (12,8% против 22,9%), Аграрная партия России – вообще чуть ли не вшестеро (1,4% против 8%)¹ и только электорат КПРФ оказался вполне сравним с общероссийским (11% против 12,4%). При голосовании по мажоритарной системе сторонники «Выбора России» одержали победу в 7 округах (из 15), еще в 4-х прошли кандидаты, близкие им по ориентации. Откровенно антилиберальных позиций придерживался только один из одномандатников (Ю.Власов), да и тот в прошлом был демократом, причем довольно радикального толка.

Еще более внушительными оказались успехи демократов на выборах в Московскую городскую думу, проходивших в один день с выборами федеральными. Кандидаты от «Выбора России» получили в МГД более половины мест – 19 из 35. По два места досталось представителям Российского движения демократических реформ, Партии российского единства и согласия и Гражданского союза, одно – кандидату от блока «Граждане за народное правление», образованного Республиканской партией РФ, Российским христианско-демократическим союзом, Партией конституционных демократов и Союзом экологических организаций. Первым председателем Мосгордумы стал депутат от «Выбора России» Виктор Максимов, который, правда, уже в июле

1994 г. уступил место представителю той же фракции Владимиру Платонову, сохраняющему за собой данный пост до сих пор.

Самое же главное – в Мосгордуме не прошел ни один представитель непримиримой оппозиции, включая КПРФ. Несколько позже, в декабре 1995 г., в городской парламент «просочилась» одна коммунистка, причем весьма радикального толка – член Исполкома «Трудовой России» Ольга Сергеева. Однако ей это удалось только благодаря низкой явке избирателей (это были не очередные выборы, а довыборы) и не скоординированным действиям противников, которые, не сочтя ее серьезным соперником, сосредоточились на атаках друг против друга. Это, впрочем, был первый и последний случай прихода в Мосгордуму представителя коммунистов.

В отличие от Моссовета, Московской городской думе не грозила перспектива оказаться разорванной внутренними конфликтами и фракционной борьбой либо вступить в состояние перманентного конфликта с исполнительной властью. Опасность подкралась с другой стороны. Вместо того чтобы контролировать городскую администрацию, Мосгордума сама оказалась «под колпаком» у мэрии. Руководители МГД не раз заявляли, что ни о какой зависимости от мэра Ю.Лужкова речи не идет – просто гордума предпочитает не воевать, а конструктивно сотрудничать с исполнительной властью в решении городских проблем. Этому можно было бы поверить, если бы не одно «но». Когда дело доходило до определения позиции Мосгордумы по тому или иному политическому вопросу, мнение ее руководителей с удивительной точностью совпадало с точкой зрения Ю.Лужкова, несмотря на то что последний не скрывал своих принципиальных разногласий с «Выбором России». В споре между столичным мэром и руководством собственной организации мосгордумовские «выбороссы» почему-то всегда брали сторону первого.

В немалой степени этому способствовало и развитие политической ситуации в стране. «Выбор России», получивший большинство в Мосгордуме, представлял собой союз либеральной интеллигенции и либеральной бюрократии. После не очень удачного выступления ВР на обще федеральных парламентских выборах либерализм правящего слоя чиновничества быстро сошел на нет. Внутри «Выбора России» образовалась трещина, которая в декабре 1994 г., после ввода войск в Чечню, превратилась в пропасть. В итоге интеллигентская часть ВР основала партию «Демократический выбор России», а чиновничья – движение «Наш дом – Россия» (членом руководства НДР, кстати, стал и мэр Москвы Ю.Лужков, ранее демонстративно отмежевывавшийся от «Выбора России»). Данный раскол не мог обойти стороной и фракцию ВР в Мосгордуме. Ее позиции сильно ослабли – она, в частности, уже не имела в МГД контрольного пакета (созданная после парламентских выборов 1995 г. депутатская группа «Объединенные демократы – ДВР» насчитывала всего 12 человек). А «подмять» под себя депутатский корпус, в котором отсутствует сплоченное большинство, особого труда для мэрии не составляло.

Тем не менее, на протяжении довольно долгого времени исполнительная власть города вынуждена была считаться с либералами, поскольку те продолжали сохранять крепкие позиции в столичном электорате. В частности, на парламентских выборах 1995 г. объединения демократической ориентации получили в Москве гораздо больше голосов, чем в среднем по стране («Яблоко» – 14,9% против 6,9% по РФ, блок «Демократический выбор России – Объединенные демократы» – 11,5% против 3,86%), в то время как коммунисты и жириновцы – гораздо меньше (КПРФ – 14,8% против 22,3% по РФ, ЛДПР – 2,5% против 11,9%). Полученные движением «Наш дом – Россия» 19,1% выглядели, конечно, вполне прилично на фоне общероссийских 10,1%, но в целом этот результат уступал сумме голосов, отданных за демократов. Последние к тому же очень неплохо выступили в одномандатных округах столицы: по два кандидата провели блок ДВР-ОД и движение «Вперед, Россия», по одному – «Яблоко», «Общее дело», блок «Памфилова-Гуров-Лысенко», Партия экономической свободы, блок «89 регионов России». Ни одного места не досталось ни КПРФ, ни ЛДПР, ни вообще представителям «непримиримых». Достаточно скромными оказались и успехи НДР – 1 депутат (Г.Боос).

В этих условиях городская администрация, несмотря на убедительную победу Ю.Лужкова на выборах мэра в июне 1996 г. (за его кандидатуру отдали голоса около 90% москвичей, пришедших на избирательные участки), предпочла не воевать с демократами, а договариваться с ними «полюбовно». В ходе подготовки к намеченным на декабрь 1997 г. выборам в Мосгордуму представители мэрии приняли участие в заключении соглашения «демократического большинства» – между городскими организациями ДВР, «Яблока» и НДР. От имени последней в переговорах участвовал председатель Исполкома МГО НДР В.Штернфельд, представлявший не столько движение в целом, сколько ориентированную на Ю.Лужкова «московскую группу». Участниками соглашения был выдвинут 31 кандидат, 11 из которых представляли ДВР, 9 – «Яблоко», 4 – НДР и по 1 – Партию конституционных демократов, Федеральную партию «Демократическая Россия» и движение «Общее дело». НДР, правда, признал этот список лишь частично, выдвинув 8 человек в округах, где уже баллотировались представители организаций – участников соглашения.

Следует отметить, что в целом мэрия предпочла не связывать себя поддержкой тех или иных политических сил, ограничившись определением круга лиц, которых она не хотела видеть в новом составе Мосгордумы. Основные силы городской администрации были брошены на отсеечение нежелательных кандидатов – Н.Гончара (лидер одноименного избирательного блока), участника списка «демократического большинства» А.Мурашева (ДВР) и др.

Незадолго до дня голосования (14 декабря 1997 г.) был опубликован т.н. «список мэра», то есть список кандидатов, присутствие которых в Мосгордуме не противоречило интересам городской администрации.

Этот список включал представителей самых разных политических сил – основным критерием отбора являлась лояльность мэру. В него вошла немалая часть депутатов Мосгордумы первого созыва (включая коммунистку-анпиловку О.Сергееву), практически все кандидаты от блока «За справедливость» (был создан организациями, входящими в Российское движение за новый социализм, – Союзом реалистов, Социалистической партией трудящихся, Партией самоуправления трудящихся, Российской объединенной промышленной партией и др.) и значительная часть кандидатов, выдвинутых участниками соглашения «демократического большинства». За рамками списка остались представители блока «Моя Москва» (КПРФ, Аграрная партия России, движения «Духовное наследие» и «Народный альянс» и др.) и «Блока Николая Гончара» (движения «Наш город» и «Вперед, Россия!», Демократическая партия России и др.), а также кандидаты от ЛДПР, Российского общенародного союза, «Трудовой столицы», Экологической партии России «Кедр» и др.

В итоге победителями выборов стали участники соглашения «Демократического большинства» (16 депутатов, из них 8 от ДВР, 3 от «Яблока» и 2 от НДР; вне списка «дембольшинства» в МГД прошли также 1 кандидат от «Яблока» и 2 от НДР) и столичная администрация (в гордуме оказалось подавляющее большинство фигурантов «списка мэра»). В числе проигравших остались «Блок Н.Гончара» и «Моя Москва», не получившие ни одного места. Блок «За справедливость» провел в городской парламент только одного кандидата.

По итогам выборов в Мосгордуме были созданы две фракции: «Объединенные демократы – ДВР»² (9 человек; координатор – И.Новицкий) и «Наш дом – Россия»³ (председатель – В.Катушонок, в начале работы МГД первого созыва входивший в состав фракции «Выбор России»). Председателем городской думы вновь был избран представитель ОД-ДВР В.Платонов. Столичному мэру новый состав Мосгордумы был лоялен не в меньшей степени, чем предыдущий. В полной мере это относилось и к членам фракции ОД-ДВР, чья «супергибкая» позиция по отношению к Ю.Лужкову, не скрывавшему резкого неприятия политической линии «Демвыбора» и персонально его лидеров, давно уже вызывала со стороны активистов партии закономерный вопрос «Есть ли у ДВР фракция в городской думе?»⁴. Этот вопрос приобретал все более важное значение по мере того, как становилось ясно, что период равновесия между столичной мэрией и партийными политиками подходит к концу: городскую администрацию уже не устраивает роль арбитра, стоящего в стороне от непосредственной политической борьбы, и она сама хочет стать ее полноправным участником.

Конец «этапу равновесия» положил августовский финансовый кризис 1998 г. Вызванные им пертурбации привели к серьезным изменениям в расстановке сил как в стране в целом, так и на столичной политической арене в частности. Период «мирного сосуществования» бюрократии и интеллигенции завершился. На смену ему пришел период безусловного доминирования чиновничества.

² После парламентских выборов 1999 г. была переименована в «Союз правых сил».

³ После парламентских выборов 1999 г. фактически прекратила существование. Ее члены вступили либо в «Отечество», либо в «Единство».

⁴ См. П.Покревский. Есть ли в городской Думе фракция от ДВР? – Демократический выбор. Газета объединенных демократов. № 26 (154). 8 июля – 14 июля 1999 г.

**3. Столичная
власть становится
партией,
столичные партии
теряют остатки
власти (с осени
1998 г.)**

На федеральном уровне превращение власти в партию началось еще в 1994 г., к весне следующего года вылившись в создание движения «Наш дом – Россия». В Москве данному процессу препятствовали относительно сильные электоральные позиции либералов. С последними, как уже упоминалось, мэрия вынуждена была считаться и поэтому политике их «выдавливания» с политической сцены предпочла тактику «приручения» отдельных их представителей.

В 1998 г. ситуация резко изменилась. Отставка В.Черномырдина с поста премьер-министра, а затем августовский дефолт донельзя ослабили центральную исполнительную власть и на какое-то время сделали невозможным дальнейшее существование общенациональной «партии власти». Последняя распалась на региональные составляющие, и ее возрождение началось на этот раз не из центра, а из регионов. Одним из полюсов консолидации восстанавливающейся «партии власти» стала Москва, а ее мэр за короткое время из очень влиятельного, но все-таки регионального политика превратился в фигуру федерального масштаба. На смену неучастию в партийных делах (вернее, формальному участию в НДР) пришла в корне противоположная тактика: Ю.Лужков возглавил Общероссийскую политическую общественную организацию «Отечество», которая осенью 1998 г. выглядела единственной реальной альтернативой пришедшему в упадок «Нашему дому». В дальнейшем, правда, дела у ОПООО пошли не столь гладко. Отнюдь не все региональные лидеры согласились признать лидерство московского мэра. Началось создание параллельных «губернаторских блоков» – «Голоса России» и «Всей России». В итоге со вторым из них «Отечество» создало предвыборный блок («Голос России» вступил в Союз правых сил).

На парламентских выборах блок «Отечество – Вся Россия» выступил не так хорошо, как ожидалось – его создатели недооценили способность центральной «партии власти» к регенерации и эффективному использованию государственных СМИ. Однако в Москве успехи ОВР были весьма впечатляющими. При голосовании по партийным спискам он получил 40,68% голосов (против 13,33% в целом по стране), в то время как его главный соперник «Единство» – всего 6,95% (против 23,32% по РФ). Еще удачнее были результаты голосования по мажоритарной системе: в 12 округах (из 15) победили кандидаты от ОВР или пользовавшиеся его поддержкой. От либералов в Госдуму из столичных округов прошел только один человек – представитель «Яблока» М.Задорнов (некоторые из одномандатников – В.Лысенко, А.Жуков, П.Медведев – тоже придерживались достаточно либеральных воззрений, однако для того, чтобы избраться они вынуждены были поклиться в верности ОВР и лично Ю.Лужкову). Да и при голосовании по пропорциональной системе успехи либералов были более скромными, чем прежде (хотя и лучше, чем в среднем по стране): 11,49% у СПС (при 8,52% по РФ) и 9,53% у «Яблока» (5,93%). Компартии РФ в Москве пришлось довольствоваться

значительно меньшей долей голосов, чем в целом по России – 11,77% против 24,29%.

Успех ОВР на столичной арене был дополнен убедительным выступлением Ю.Лужкова на выборах мэра Москвы, проводившихся одновременно с парламентскими. За него отдали голоса 69,89% избирателей, в то время как за его ближайшего соперника – представителя Союза правых сил С.Кириенко – лишь 11,25%.

Это существенно меняло расстановку сил. Впервые партия московского начальства стала доминировать на столичной сцене не благодаря закулисным маневрам, а в результате открытой политической борьбы, ведущейся к тому же под собственными партийными знаменами. Впрочем, сторонники Ю.Лужкова хорошо осознавали, насколько относительны их успехи. «Отечество» добилось неоспоримого превосходства в столице, но как общенациональная партия фактически не состоялась. Из сложившейся ситуации оставался только один выход – использовать доминирующие позиции в Москве как козырь на переговорах с центральной «партией власти». И следует признать, что сторонники Ю.Лужкова использовали этот козырь с максимальной степенью эффективности, выбив себе самые выгодные условия на переговорах с «Единством» о слиянии в одну партию.

Добившись режима благоприятствования на ниве общенационального партстроительства, в ответ московская мэрия отказалась от установления монопольного контроля над Московской городской думой третьего созыва. Правда, и здесь она совершила удачный маневр. В ходе подготовки к выборам в МГД столичная администрация формально согласилась на заключение «картельного соглашения», к участию в котором были приглашены представители не только «Единства», но в том числе и СПС с «Яблоком». По 7 кандидатов закреплялось за «Отечеством», «Единством» и «правыми», 4 – за «яблочниками», остальные 10 мест отдавались независимым кандидатам.

Следует отметить при этом, что списки кандидатов согласовывались не самими партиями, а в ходе консультаций каждого из участников непосредственно с представителями мэрии. И тут уж городская администрация делала все возможное для того, чтобы добиться включения в списки максимально удобных для нее кандидатов – в основном из числа депутатов Мосгордумы второго созыва, с которыми она давно нашла общий язык. Когда же, например, Союз правых сил настоял на замене одного из своих кандидатов – действующего депутата В.Ковалевского – членом Политсовета МГО СПС П.Покревским, весьма оппозиционно настроенным по отношению к мэрии, столичная администрация формально согласилась с данной рокировкой, продолжая, однако, на деле поддерживать «старого знакомого», который в конечном счете и победил на выборах.

В целом мэрии удалось обеспечить формирование еще более лояльного состава Мосгордумы: 33 места (из 35) получили фигуранты «согласованного списка». Однако эта победа если и не выглядела сомнительной,

то во всяком случае имела довольно странный оттенок. Во-первых, оказалась очень низкой явка – на участки для голосования явилось менее 30% избирателей. Во-вторых, весьма много голосов было подано «против всех» – в каждом из округов этот показатель превысил 10%. Избиратель тем самым как бы выражал недовольство «картельным соглашением», то есть тем, что за него уже все решено. Наконец, несмотря на то что коммунистам вновь не удалось получить в Мосгордуме ни одного места, количество отданных за их кандидатов голосов выросло до 17% от общего числа избирателей (на выборах 1997 г. эта цифра не превышала 10%)⁵.

Для некоторых из участников «картельного соглашения» победа на выборах оказалась пирровой. В первую очередь речь шла о СПС. Идя на составление «согласованного списка», «правые» знали, что платой за это будет выдвижение ими кандидатов, удобных для мэрии. Поэтому руководство СПС специально взяло со своих представителей обязательство создать в региональном парламенте партийную фракцию. Однако и городская администрация припала на этот случай ответный ход. Мэрия гарантировала депутатам от СПС сохранение руководящих постов, занимаемых ими в предыдущей Думе, однако поставила условием отказ от образования в МГД партийных фракций как таковых.

Предложение было слишком заманчивым, чтобы известные своей лояльностью к московской власти депутаты-СПСовцы (прежде всего, председатель Мосгордумы В.Платонов) его отвергли. На протяжении почти целого года они тянули резину, не отвечая ни «да», ни «нет» на требования партийного руководства и вызвав тем самым кризис в руководстве столичного отделения СПС. Внутри Политсовета МГО образовалась сплоченная оппозиция, требовавшая принятия к «отступникам» жестких мер. Когда же вопрос был поставлен ребром, то три представителя «правых» – В.Платонов, М.Москвин-Тарханов и И.Рукина – в сентябре 2002 г. заявили о выходе из партии, объяснив свое решение несогласием с «тоталитарностью правящей верхушки Союза правых сил». Тем самым у «правых» просто не оказалось достаточно депутатов для создания в Мосгордуме партийной фракции. (Кстати, через два месяца после этого представители «Единства» и «Отечества» объявили о формировании в МГД депутатского объединения «Единая Россия». Оно, правда, было названо не фракцией, а «рабочей группой», но сути дела это не меняло. Фактически, в Мосгордуме осталась только одна партийная фракция – фракция «партии власти», то есть фракция столичного начальства.)

Маргинализация московской многопартийности, сопровождавшаяся выталкиванием на обочину политического процесса даже наиболее крупных общенациональных партий, сделала возможным то, что до сих пор трудно представить на федеральном уровне, – смыкание противоположных полюсов идеологического спектра. В сентябре 2002 г. представители «Яблока» и СПС, с одной стороны, и КПРФ, с другой, публично объявили о создании коалиции, ставящей своей задачей борьбу против

⁵ Интервью второго секретаря МГК КПРФ В.Лакеева. – *Правда России*. №50, 26 декабря 2001 года – 1 января 2002 г.

урезания прав местного самоуправления в столице. Поводом для этого послужили планы мэрии по реформированию органов МСУ, согласно которым право назначать глав районных управ от собраний районных советников передавалось префектурам. Формирование коалиции коммунистов и либералов, видимо, и послужило причиной появления у Ю.Лужкова экстравагантной идеи – восстановить на Лубянской площади памятник Дзержинскому (эта идея прозвучала тем более неожиданно, если учесть, что еще несколько лет назад столичный мэр выступал категорически против возвращения монумента на старое место). Расчет, возможно, был на то, чтобы посорить новоиспеченных союзников.

В условиях полного контроля над региональным парламентом мэрия без особого труда провела через Мосгордуму закон о реформе местного самоуправления. Против нее проголосовал только один депутат – представитель СПС Д.Катаев. И «либерально-коммунистическая» коалиция мало чем могла ему помочь, поскольку имела представительство только на уровне собраний районных советников.

Однако и городской администрации, изгнавшей многопартийность на периферию столичной жизни, тоже вряд ли стоит праздновать победу. Отсутствие сильных партий везде и всюду приводило только к одному: вырождению институтов представительства, замене политической борьбы грязной кликой и клиентелой и, как следствие, расцвету коррупции и лоббизма.

* * *

Таким образом, менее чем за 15 лет столичная многопартийность проделала головокружительный путь, но только не по восходящей, а по нисходящей линии. Из феномена общенационального масштаба, своего рода нерва политической жизни страны, она постепенно превратилась в явление сугубо провинциальное и даже маргинальное. Действующие в Москве отделения общероссийских партий варятся в собственном соку и не столько служат подмогой и опорой центральным органам своих объединений, сколько существуют благодаря поддержке со стороны последних. Даже от МГО КПРФ, наиболее дееспособной на первый взгляд партийной организации города, отдача в последнее время все меньше и меньше. Когда в июле 2001 г. Компартия попыталась организовать массовые акции протеста против принятия Госдумой Земельного кодекса, ей удалось вывести на улицу не более полутора тысяч сторонников – столько же, сколько и маргинальным левокоммунистическим объединениям. Налицо к тому же значительное сокращение численности МГО КПРФ: если в 1997-98 гг. она насчитывала 22 тыс. членов, то к осени 2001 г. – не более 10 тыс.

Таким образом, в настоящее время в Москве действуют:

- обширная по российским меркам, но не способная выйти за пределы узкого круга сторонников организация КПРФ;
- еще более многолюдная (14 тыс. членов), но представляющая собой чистой воды декорацию МГО «Единой России»;

- расколотое и обесиленное внутренней борьбой, лишившееся фракции в Мосгордуме отделение СПС;
- никогда не представлявшая собой сколько-нибудь дееспособной структурной единицы организация «Яблока»;
- проявляющая себя только в роли массовки на уличных шоу В.Жириновского МГО ЛДПР;
- масса леворадикальных объединений, производящих много шума, но лишенных какого бы то ни было электорального потенциала.

Вряд ли нынешний закат столичной многопартийности следует считать окончательным и бесповоротным. Ее упадок связан с упадком общественной инициативы в целом, кризисом интеллигенции как главной движущей силы «Великой Российской революции» конца XX века, усталостью населения от революционной шумихи и обусловленной ею нестабильности. Рано или поздно упадок сменится новым подъемом, и этот подъем, скорее всего, будет связан с размежеванием власти и бизнеса. Последний, не желая мириться с ролью мальчика на побегушках у начальства, рано или поздно решится выйти на политическую сцену в качестве самостоятельного игрока. Свидетельством того, что этот этап не за горами, можно считать победу на губернаторских выборах в Красноярском крае типичного представителя нового поколения управленцев («менеджеров») А.Хлопонина, одержавшего верх над не менее типичным представителем региональной бюрократии А.Уссом.

В этих условиях у партий снова появится шанс занять достойное место не только на федеральной, но и на региональной политической сцене. Другой вопрос, удастся ли столичной многопартийности проделать обратный путь – от явления сугубо провинциального к общенациональному? Наверное, вряд ли. Как представляется, общенациональное значение партийные организации столицы могли иметь только на этапе зарождения многопартийности как таковой. Это время уже не вернуть, да и вряд ли стоит пытаться.

Приложение

Региональные отделения политических партий, зарегистрированные Московским городским управлением юстиции

1. Московское городское региональное отделение Народной партии Российской Федерации. Зарегистрировано 23 января 2002 г. (свидетельство № 14797). Численность – несколько сотен человек. Председатель Комитета – заместитель председателя НППРФ депутат Госдумы Аркадий Баскаев.

2. МГРО Коммунистической партии Российской Федерации. Зарегистрировано 22 марта 2002 г. (свидетельство № 14928). Численность – около 10 тыс. человек (на ноябрь 2001 г.; в 1998 г. – 22 тыс.). Первый секретарь горкома – член ЦК КПРФ депутат Госдумы Александр Куваев.

3. МГРО Всероссийской партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия». Зарегистрировано 15 апреля 2002 г. (свидетельство № 14979). Численность – более 14 тыс. человек (на ноябрь 2002 г.). Председатель Политсовета – ректор Московского института стали и сплавов Юрий Карабасов.

4. МГРО политической партии «Развитие предпринимательства». Зарегистрировано 17 апреля 2002 г. (свидетельство № 14980). Руководитель – Владимир Пржевальский.

5. МГРО Союза правых сил. Зарегистрировано 27 апреля 2002 г. (свидетельство № 15009). Численность – 1569 человек (на август 2002 г.). Председатель – член Федерального политсовета СПС депутат Госдумы Эдуард Воробьев.

6. МГРО Либерально-демократической партии России. Зарегистрировано 16 мая 2002 г. (свидетельство № 5294). Численность – несколько сотен человек. Руководитель – Виталий Чепалыга.

7. МГРО Российской партии мира. Зарегистрировано 14 июня 2002 г. (свидетельство № 15087).

24 МГРО Консервативной партии России. Зарегистрировано 24 июня 2002 г. (свидетельство № 15158).

8. МГРО Российской демократической партии «Яблоко». Зарегистрировано 28 июня 2002 г. (свидетельство № 15150). Численность – 366 человек (на март 2002 г.). Председатель – лидер партии Григорий Явлинский.

9. МГРО Демократической партии России. Численность Московской организации ДПР – 551 человек (на март 2002 г.). Председатель – Андрей Лушников.

Региональные отделения политических партий, созданные, но пока незарегистрированные городским управлением юстиции

10. МГРО Социал-демократической партии России. Председатель – декан факультета экспериментальной и теоретической физики МИФИ Владимир Беляев.

11. МГРО Российской коммунистической рабочей партии – Российской партии коммунистов. Численность – несколько сотен человек. Первый секретарь МК – сопредседатель ЦК партии Анатолий Крючков.

12. МГРО партии «Либеральная Россия». Численность – 328 человек (на апрель 2002 г.). Председатель – Олег Бастанов.

13. МГРО Партии национального возрождения «Народная воля». Численность – 128 человек (на май 2002 г.). Председатель – Владимир Давиденко.

14. МГРО Социалистической единой партии России («Духовное наследие»). Численность – 70 человек (на июль 2002 г.). Председатель – генеральный секретарь СЕПР(ДН) Алексей Подберезкин.